

Е. Б. Французова*

Соловецкие иноки в Троице-Сергиевом монастыре в конце XVI — начале XVII века

Цель настоящей работы — уточнить некоторые обстоятельства биографии видного церковного и политического деятеля XVII в., автора «Истории вкратце» о событиях Смутного времени старца Авраамия (Палицына) на основании преимущественно материалов хозяйственного архива Соловецкого монастыря, с которым старец Авраамий был связан в разные периоды своей жизни, а также выяснить, насколько типичными были обстоятельства перехода соловецкого монаха в крупнейшую обитель страны — Троице-Сергиев монастырь.

К приходу-расходным книгам Соловецкого монастыря как к источнику сведений об Авраамии (Палицыне) первым обратился В. И. Корецкий. В его поле зрения попала приходу-расходная книга вологодской службы монастыря 1600–1602 гг., содержащая запись о проверке отчетности («счете») приказного старца этой службы Вассиана членами черного собора Соловецкой обители. Первым лицом (в отсутствие игумена Исидора, который спустя некоторое время был хиротонисан на Новгородскую митрополию кафедру), подтвердившим верность «счета» 13 августа 1602 г. и собственноручно скрепившим своей подписью белой экземпляр книги, был келарь Соловецкого монастыря Авраамий (Палицын)¹. Комментируя этот документ, Корецкий в соответствии с антиклерикальной направленностью историографии конца 1950-х гг. обличал лицемерие келаря Авраамия: с одной стороны, описывая бедствия голода в 1601–1603 гг., Авраамий резко порицал лихоимцев, наживавшихся на народной нужде, с другой стороны, заверив вышеназванный документ, он стал соучастником «спекулятивных операций» Соловецкого монастыря. Основанием для такого утверждения Корецкому послужили сведения о том, что Соловецкий монастырь, купив зимой 1601/02 г. партию

* © Французова Е. Б., 2010.

Екатерина Борисовна Французова, научный сотрудник Института российской истории РАН. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00175а.

ржи по цене 72,5 копеек (145 денег) за четверть, летом 1602 г. продавал ее в монастырских вотчинах «для крестьянские нужи» почти вдвое дороже — за 1 рубль 32 копейки (264 деньги)². Оценивая действия монастырских властей, исследователь не учел многих обстоятельств. Рожь была куплена в Вологде, а отпускалась в Холмогорах. Во все годы (не только во время голода) цена в Холмогорах резко отличалась от цены в Вологде, поскольку включала в себя издержки на транспортировку по Сухоно-Двинскому водному пути, на погрузочные и разгрузочные работы, на хранение товара в Холмогорах, на уплату таможенных пошлин. Партия ржи, купленная зимой 1601/02 г. и показавшаяся Корецкому «крупной», на самом деле была мизерной для обширного монастырского хозяйства — 2100 четвертей ржи, в то время как, например, в предшествующие годы было закуплено соответственно 9 тыс. и 11 402 четверти³ (в ноябре 1600 г. или, по другим данным, в январе 1601 г. в Соловецком монастыре случился пожар, во время которого пострадали мельницы и житницы с хлебом, и, следовательно, хлебные запасы обители заметно сократились⁴). Кроме того, из цитируемой Корецким книги холмогорской службы Соловецкого монастыря 1601/02 г. явствует, что монастырским служебникам — приказчикам соловецких соляных промыслов — летом 1602 г. рожь отпускалась по не меньшей цене, чем крестьянам, а в значительном числе случаев и по большей — по 1,5 рубля (300 денег) за четверть⁵. В соответствии с практикой холмогорской службы соль у приказчиков соляных промыслов принималась по холмогорской «торговой» цене, которая колебалась в течение сезона; хлеб в промыслы из года в год отпускался также по рыночной цене. Благодаря приводимым Корецким фактам выясняется, что во многих регионах страны, в том числе в центральных областях, в 1602 г. цена ржи достигала в 2 раза большей суммы — 3 рубля (600 денег) за четверть⁶. Таким образом, монастырь, продавая крестьянам рожь по цене, не превышавшей рыночную, фактически оказывал им поддержку и сохранял жизнеспособность крестьянских хозяйств в трудные годы.

Обнаруженное Корецким упоминание об Авраамии (Палицыне) не единственное в соловецкой учетно-отчетной документации. Келарь назван в записи о передаче денежной казны казначею старцу Вассиану от 28 сентября 1602 г.; 17 декабря того же года соборные старцы во главе с келарем Авраамием постановили взять из монастырской казны 10 серебряных братин, пожалованных Иваном IV, чтобы изготовить из них церковную утварь. Приходо-расходная книга казначея Вассиана велась до июня 1608 г. В итоговой записи о «счете» старца Вассиана от 1 июля 1608 г. среди имен соборных старцев мы не обнаруживаем имени Авраамия (Палицына), который 12 августа 1608 г. впервые упоминается в качестве келаря Троице-Сергиева монастыря⁷.

Принято считать, что Аверкий Иванович Палицын принял монашество в Соловецкой обители. Это мнение основано на записи в принадлежавшей ему Псалтыри, где сообщается о том, что на склоне лет он жил «во обители на Соловках на своем обещании, идеже пострижен»⁸. Пострижение в этом крупнейшем северном монастыре представляется естественным для человека, ранее служившего в Коле и в Холмогорах и наверняка имевшего тесные

контакты с обителью и ее иноками. Однако постриг Палицына не отразился в соловецких приходе-расходных книгах. В книге соловецкого казначея Архипа, регистрировавшей приход и расход монастырских денежных средств с 2 марта 1596 г. по 2 октября 1600 г., а также в итоговой записи этой книги о «счете» казначея от 15 февраля 1601 г., упоминаний о старце Авраамии нет⁹. Приходе-расходная книга соловецкого казначея Протасия, охватывающая период с октября 1600 г. по сентябрь 1602 г., пока не обнаружена. В древнейшей вкладной книге Соловецкого монастыря зафиксирован вклад «старца Авраамия Палицына» — 50 рублей¹⁰. Поскольку самые поздние записи этого источника, по предварительным наблюдениям, относятся ко 2-й половине 1590-х гг., можно предположить, что Палицын принял монашество в это время, после 1596 г. (в 1596 г. он еще находился на светской службе¹¹). Тем не менее пока нет специального источниковедческого, кодикологического и почерковедческого исследования такого сложного и объемного источника, как соловецкие вкладные книги, сказать что-либо определенное невозможно. Полное отсутствие сведений о деятельном монахе в казначейской книге 1596–1600 гг. заставляет усомниться в том, что в эти годы Авраамий находился на Соловках.

Не вполне объяснима информация о пребывании чернеца Авраамия (Палицына) в 1601 г. в свияжском Успенском (Богородицком) монастыре¹². В связи с этим фактом может быть предложена следующая гипотеза. Летом 1596 г. «Аверка Палицын» вместе с подьячим Ф. Аристовым описывал дворцовую Ново-Никольскую слободу на реке Каме (будущий город Осинск) в Казанском уезде и «тянувшие» к ней деревни¹³. Палицын мог вернуться из Ново-Никольской слободы через Казань и расположенный рядом с нею Свияжск, где он мог сблизиться с братией Успенского монастыря, а затем спустя некоторое время остаться жить в этой обители¹⁴. Не исключено, что будущий автор «Истории вкратце», зарекомендовавший себя прекрасным администратором на светской службе, мог быть прислан центральной властью из Свияжска на Соловки в связи с поставлением соловецкого игумена Исидора на Новгородскую кафедру, вдовствовавшую после кончины митрополита Варлаама († 15 апреля 1601 г.). Поставление Исидора по желанию царя Бориса Годунова совершилось спустя без малого 2 года после смерти митрополита Варлаама — 6 февраля 1603 г.¹⁵ Пока в течение 1602 г. решался вопрос о Новгородском митрополите, Исидор, очевидно, не мог в полном объеме исполнять обязанности игумена Соловецкого монастыря. Возможно, в помощь ему был прислан из Свияжска Авраамий (Палицын), назначенный келарем.

Следует подчеркнуть, что келарь в Соловецком монастыре не обладал такой же властью, как келарь в Троице-Сергиевом монастыре¹⁶. По-видимому, полномочия соловецкого келаря не выходили за рамки повседневной хозяйственной деятельности; он не имел права назначать на должности, судить братию или единолично осуществлять контроль за соблюдением владельческих прав обители. В Соловецком монастыре келарь распоряжался хранившимися в обители обширными натуральными запасами. Вероятно, его роль была не более значительной, нежели роль келаря Кириллова Белозерского

монастыря¹⁷. В Соловецком монастыре келарь даже не всегда был самым авторитетным после игумена лицом¹⁸.

После хиротонии Исидора на Новгородскую кафедру игуменом Соловецкого монастыря был избран Антоний. 20 июля 1603 г. вместе со старцем Иовом (Айгустовым) он отправился на поставление сначала в Москву, затем в Великий Новгород к митрополиту Исидору. Имеется запись, что на дорожные и представительские расходы им было выдано из монастырской казны 50 рублей. Вернулся игумен Антоний на Соловки осенью того же года¹⁹. Возможно, с появлением нового настоятеля связано изменение послушания Авраамия (Палицына). В приходе-расходной книге соловецкого казначея Василиана 1602–1608 гг. имеется запись, относящаяся к лету 1603 г. (в соловецких приходе-расходных документах точные даты указаны в редких случаях): «Послали из монастыря к Москве старца Авраамия (Палицына) для монастырских дел, дано ему 50 рублей денег». Запись эта следует вскоре после записи об отъезде в Москву игумена Антония. В книге вологодской службы Соловецкой обители в 1603/04 г. была сделана запись: «Ехал к Москве старец Авраамей Палицын, купили ему 450 ложек красных»²⁰.

Благодаря дошедшим описям соловецкого архива — «книгам крепостной казны» — мы можем уточнить, ради каких «монастырских дел» Авраамий (Палицын) был послан в Москву. В древнейшей из описей (1639 г.) в разделе «Перепись московским книгам прежних строителей» названа книга «112-го году старца Авраамия Палицына». Следовательно, инок Авраамий был отправлен на важную и престижную службу — возглавлять Соловецкое подворье в столице. Именно это послушание старец Авраамий исполнял в 1603/04 г. В 1604/05 г. московское подворье возглавлял уже старец Карион (Чудов)²¹. По-видимому, осенью 1604 г. инок Авраамий перешел или скорее, как мы увидим из дальнейшего изложения, был переведен в Троице-Сергиев монастырь. Осенью 1604 г. в соловецких приходе-расходных книгах была сделана запись о том, что от старца Авраамия (Палицына) из Москвы привезено «монастырских казенных денег 3 рубли 27 алтын 4 денги». К лету 1605 г. относится запись о возврате старцем Вениамином «монастырских казенных денег 2 рубля 8 алтын 2 денги», которые тот «на Онеге взял у старца Авраамия Палицына»²². После этого упоминания о старце Авраамии из соловецких приходе-расходных книг исчезают.

Единственная сохранившаяся приходе-расходная книга московского подворья Соловецкого монастыря за XVI — начало XVII в., книга старца Архипа 1592–1595 гг.²³, демонстрирует, как многообразны были функции настоятеля подворья и как существенна была его роль. Возглавлявший подворье старец представлял интересы монастыря в государственных учреждениях, хлопотал о предоставлении обители привилегий или о подтверждении прежних; по крайней мере дважды в год, в дни памяти преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, присутствовал на соборном молебне с участием Патриарха; принимал вклады в монастырь у представителей всех слоев населения, в том числе у столичной знати (старец Архип принял царский вклад по скончавшейся царевне Феодосии в 500 рублей, выданный «у государева боярина

у дворецкого у Григорья у Васильевича у Годунова на Большом дворце», «а денги привез на соловецкой двор подъячей дворцовой Иван Леонтиев»). Более чем кто-либо из братии Соловецкого монастыря старец московского подворья был известен высшим светским и духовным властям.

Пребывание Авраамия (Палицына) в Москве совпало с началом событий Смутного времени: с появлением первого Самозванца, вторжением его войска в Россию, внезапной смертью царя Бориса Годунова, приходом к власти Лжедмитрия I, его свержением, избранием на царский престол Василия Шуйского. Очевидно, что старец Авраамий не оставался в стороне от происходившего, свидетельством чего является назначение его на ответственную должность келаря Троице-Сергиева монастыря, очевидно инициированное светской властью, а именно царем Василием Шуйским.

Авраамий (Палицын) был далеко не единственным соловецким иноком, послужившим обители прп. Сергия. В свое время архимандрит Досифей (Немчинов) обнаружил рукопись, принадлежавшую старцу Авраамии, на последних листах которой имелась запись о том, что в 1593/94 г. царь Федор Иванович «прислал к Троицы соловецких старцов»²⁴. Наиболее обстоятельно о возникшей в 1-й половине 1590-х гг. практике перевода соловецких иноков в Троице-Сергиев монастырь в последнее время писал О. В. Панченко в статье о троицком келаре Александре (Булатникове). Исследователь отметил, что в Краткой редакции Соловецкого летописца, созданной в начале XVIII в., имеется сообщение: «В лето 7102-м году по государеву указу взяты из Соловецкого монастыря десять человек старцов, Исидор и Илья с товарищы, в Троицкой Сергиев монастыр. Исидор поставлен келарем, а потом и Илья келарем был же у Троицы в Сергиеве монастыре». Более полный список троицких келарей — выходцев из Соловецкого монастыря — приведен в записи в книге, принадлежавшей Авраамии (Палицыну): «Исидор Соловецкой, Акакей Грознов, Илья Соловецкой... Аврамей Палицын»²⁵.

Заслуживает внимания предположение Панченко, что перевод соловчан в Троицкий монастырь был связан с валовой переписью троицких вотчин и проверкой владельческих прав, предпринятой боярином Борисом Годуновым при царе Федоре Ивановиче в 1592–1594 гг. Целью перевода было усиление контроля над вотчинами крупнейшего землевладельца страны при помощи управленцев, не связанных духовными обетами с Троице-Сергиевым монастырем. В 1593–1594 гг. сложилась ситуация, когда все рычаги хозяйственного управления Троице-Сергиевым монастырем оказались сосредоточены в руках выходцев из Соловецкого монастыря. Выбор правительства был не случайным. В 1590–1593 гг. Россия находилась в состоянии войны со Швецией. Соловецкой крепости, его игумену Иакову и братии в годы войны отводилась первостепенная роль на беломорском театре военных действий, правительство и воеводы находились в постоянном контакте с соловецкими иноками. В этих условиях в 1591 г. Соловецкая обитель получила новые щедрые земельные пожалования с обязательством возведения острога в Кемской волости, уставную таможенную грамоту, в 1592 г. принадлежавшие ей крестьяне были освобождены от податей на 5 лет ввиду «разорения от немцев»²⁶.

На эти же годы приходится разрешение царя Федора Ивановича на перенесение останков митрополита св. Филиппа (Колычева), бывшего соловецкого игумена, из Твери в Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря, которое фактически стало начальным этапом канонизации святителя. Переговоры о перезахоронении свт. Филиппа, как рассказывается в Тулуповской редакции его Жития, вел в Москве с царем игумен Иаков не один, а «поим с собою некия от инок»²⁷. Таким образом, в начале 1590-х гг. московские власти были особо благосклонны к Соловецкому монастырю. Лучше, чем когда бы то ни было, они отдавали себе отчет в духовном значении обители, ее военно-стратегической роли, имели возможность убедиться в эффективности системы хозяйственного управления на Соловках, были лично знакомы с некоторыми соловецкими иноками. Неудивительно, что когда возникла необходимость назначить на руководящие посты в Троице-Сергиевом монастыре иноков, не связанных с этой обителью, выбор пал именно на соловецких монахов.

Первым соловецким монахом, назначенным на должность келаря в Троице-Сергиевом монастыре, в цитированном списке назван Исидор. По данным Л. А. Кириченко, составившей на основании троицких актов уточненный список соборных старцев Троице-Сергиева монастыря, он исполнял обязанности троицкого келаря в 1593–1596 гг.²⁸ Биография соловецкого постриженника Исидора, в мае 1597 г. вернувшегося в качестве игумена на Соловки, а в 1603 г. хиротонисанного во митрополита Новгородского и Великолуцкого, наиболее полно изложена Я. Г. Солодкиным²⁹. Соловецкие хозяйственные документы позволяют пролить новый свет на начальный этап биографии старца. В 1578/79 г. впервые упоминается Исидор клирошанин, «послушаник» старца Исаака клирошанина. В этом году Исидор и Исаак были посланы в волость Вирму в помощь детям боярским Андрею Загряжскому и Киприану Оничкову, по-видимому, для набора стрельцов из числа местных крестьян. В 1579–1582 гг. старец Исидор неоднократно путешествовал в Новгород Великий «за монастырскими делы»³⁰. Хотя Новгород в то время играл не последнюю роль в соловецкой торговле, думается, что главной задачей «новгородского служебника», как именуется старец Исидор, было представлять интересы обители перед правящим архиереем. В 1582 г. Исидор впервые упоминается как соборный старец³¹. В 1584–1585 гг. он вместе с двумя другими иноками, по-видимому ненадолго, оказался на московском подворье Соловецкого монастыря³², в 1585 г. служил на приказе в Умбе, в 1586 г. — снова на «новгородской службе»³³. В 1587 г. в приходе-расходной книге сделана запись: «Послан к Москве старец Исидор для монастырских дел на Акакьево место, и дано ему денег на расход 50 рублей». Из описи соловецкого архива 1639 г. узнаем, что в 1585/86 и 1586/87 гг. книги московского подворья вел старец Акакий Грозный, и в том же 1586/87 г. старец Исидор, «что был митрополит»³⁴. В 1590/91 г. старца Исидора отправили в Холмогоры, где он, видимо, возглавлял холмогорскую службу: в его обязанности входила раздача денег по промыслам, закупка ржи, наем судов³⁵. В последний раз в соловецкой учетной документации соборный старец Исидор фигурирует 18 января 1591 г.:

в записи о «счете» возглавлявшего вологодскую службу старца Кириака его имя названо на почетном 4-м месте, вслед за именами игумена, келаря и казначея³⁶. 20 октября 1591 г. в «счете» казначея Акакия старец Исидор уже участия не принимал. Казначейские книги с октября 1591 г. по декабрь 1593 г. не сохранились. По-видимому, 1591–1592 гг. следует датировать следующее указание соловецкой вкладной книги: «Дал вкладу старец Исидор, бывшей *игумен александровской* (выделено мной.— Е. Ф.), 10 рублей денег на Москве старцу Архипу». Поскольку далее в той же статье перечисляются вклады соловецкого игумена Исидора, не остается сомнений в том, что речь идет именно о нем. Таким образом, непродолжительное время Исидор управлял, по-видимому, Александро-Свирским монастырем³⁷. Отнести игуменство Исидора в этой обители ко времени прекращения его келарских полномочий в Троице-Сергиевом монастыре невозможно: с марта 1596 г. по октябрь 1600 г. старец Архип исполнял обязанности казначея Соловецкого монастыря и в Москве находиться не мог.

Следующим троицким келарем, прибывшим с Соловков, был старец Акакий Грозный (или Грознов). Он упоминается как соборный троицкий старец в 1593/94 г., а заведовал хозяйством Троице-Сергиева монастыря с 1597 по 1602 г. (возможно, с перерывами). В Соловецком монастыре старец Акакий принадлежал к числу самых авторитетных иноков, регулярно занимал ответственные должности. С сентября 1574 г. он упоминается как соборный старец Соловецкого монастыря, с 1575/76 г. по сентябрь 1577 г., а также с мая 1582 г. по май 1583 г.— как казначей, в 1584/85 г., в январе 1585 г. и в январе 1586 г.— как келарь, в 1589–1591 гг.— вновь в должности казначея³⁸. Кроме того, старец Акакий в 1579–1580 гг. был на приказе в Вологде, в 1581 г. помогал воеводе Киприану Оничкову набирать стрельцов из крестьян монастырских волостей, осенью того же года был отправлен зимовать в Суму «острога делати да ему же корьмити стрельцов наемных пятьдесят человек»³⁹. Отслужив казначеем в 1582–1583 гг., весной—летом 1583 г. он отправился в Холмогоры для хлебных закупок, осенью того же года — в Суму для закупки сукон и полотен. Весной—летом 1585 г. старец Акакий руководил транспортировкой соли в Холмогоры⁴⁰. Осенью 1585 г. в приходе-расходной книге казначея Венедикта была сделана запись: «Послан к Москве старец Акакей, и дано ему на расход 50 рублей». В описи соловецкого архива 1639 г., как уже упоминалось, значатся книги московского подворья Соловецкого монастыря «94-го и 95-го году старца Акакия Грозново». Зимой 1588/89 г. старец Акакий снова служил на приказе в Сумском остроге, а с 1 октября 1589 г. по октябрь 1591 г. в очередной раз выполнял обязанности казначея⁴¹. После сдачи казначейских книг и «счета» их 20 октября 1591 г. старец Акакий однажды упоминается в 1591/92 г.: ему адресована грамота царя Федора Ивановича в Сумской острог о заготовлении съестных припасов для ратных людей⁴². Затем его имя исчезает из соловецкой хозяйственной документации за исключением 2 сообщений в приходной книге. Под 1597/98 г. имеется запись о том, что вернувшийся из Москвы настоятель московского подворья старец Вассиан (Напольский) привез «Троицы Живоначальные Сергиева монастыря от келаря, соловецкого постриженника старца Акакия, вкладом денег 12 рублей».

Годом позже была сделана следующая запись: «Взято Живоначальные Троицы Сергиева монастыря у келаря старца Акакия, постриженника Соловецкого монастыря, к прежнему его вкладу денег 7 рублей»⁴³. Старец оставался в должности троицкого келаря и в 1602 г.: 4 января 1602 г. старцу Акакию Грозному была направлена грамота Бориса Годунова о дошедшем до царя слухе, что казначей Троице-Сергиева монастыря старец Илия «недомогает». «И мы,— говорилось в грамоте,— послали к вам в монастырь Соловецкого монастыря старца Архипа», чтобы он в казне с казначеем Ильей был «безотступно»⁴⁴. В случае же, если Илья станет «добре изнемогать... и ты б и сам побыл у казначея у Ильи и казну бы всю запечатал, чтоб над казною какие порухи хто не учинил»⁴⁵. Старец Акакий не забывал родную обитель. В июне 1605 г. в соловецкой казначейской приходе-расходной книге записано: «Взято у старца Акакия Грозново вкладу 20 рублей денег». Примерно в это же время, по видимому, старец Акакий делал вклады в монастырь книгами и вещами: в 1608/09 г. «из казны» была продана рукописная Псалтырь с воследованием «дачи старца Акакия Грознова», в следующем году — песцовый мех его же «дачи»⁴⁶. Скончался инок в 1610/11 г.: в расходных записях этого года зафиксированы сведения о пении сорокоуста в Соловецком монастыре по старцу Акакию Грозному⁴⁷.

Еще одним прибывшим из Соловецкого монастыря троицким келарем был старец Илия, проходивший это послушание в Троице-Сергиевом монастыре, по данным Л. А. Кириченко, в 1604/05–1605/06 гг., а прежде, в 1593/94–1602 гг. (возможно, с перерывами, частично совместно со старцем Венедиктом), трудившийся в обители прп. Сергия в должности казначея⁴⁸. Данного троицкого келаря, по всей видимости, можно отождествить с упомянутым в приходе-расходной книге соловецкого казначея Венедикта келейником игумена Иакова, который приобрел в 1583/84 г. треть кельи⁴⁹. Как соборный старец Илия упоминается в хозяйственных документах Соловецкого монастыря с 1585 г., в 1587–1588 гг. он находился на приказе в Сумском остроге, исполнял обязанности казначея с ноября 1588 г. по октябрь 1589 г.⁵⁰ В октябре следующего года «к Москве послан старец Илья... для монастырских дел, дано ему денег 50 рублей»⁵¹. В описи соловецкого архива значились книги возглавлявшего московское подворье Соловецкого монастыря «старца Ильи *Троецкого*» (выделено мной.— *Е. Ф.*) 1590–1592 гг. Осенью 1592 г. старец Илия передал дела приехавшему ему на смену старцу Архипу, назначение которого было неожиданным: в мае тот был послан на службу в Вологду, а уже в сентябре, по распоряжению игумена и «по приговору соборных старцов», отправлен в Москву «на старцово на Ильино место»⁵². Причина такого поворота в биографии старца Архипа — «взятие» старца Ильи в Троице-Сергиев монастырь. Эти факты позволяют уточнить хронологию перевода соловецких старцев в Троицкую обитель в 1590-х гг. Илия, возглавлявший подворье Соловецкого монастыря в столице, вероятно, первым из соловчан был переведен в Троицкий монастырь, что подтверждается грамотой Василия Шуйского 1607 г., согласно которой Илия был «взят» к Троице в 7101 (1592/93) г. по указу царя Федора Ивановича⁵³. В 1606 г. престарелый мо-

нах, желавший вернуться из Троицкого монастыря в родную обитель, прислал соловецкой братии «на стол» 6 рублей (в документе, зафиксировавшем вклад, Илия назван келарем Троицкого монастыря)⁵⁴. 18 мая 1607 г. царь Василий Шуйский писал игумену Соловецкого монастыря Антонию о челобитье старца Илии, послужившего в Троицком монастыре «во всяких службах» и просившего «отпустить» его в Соловецкий монастырь «на обещанье», поскольку «постигла его великая старость и немощь». Игумену Антонию предписывалось восстановить его в статусе соборного старца и «наипаче прежнего» «держати честно», «потому что он, у Живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре живучи, многие труды показал и блаженной памяти государю царю... Федору Ивановичю... во всем прямил и нашему царскому величеству также правду чинил»⁵⁵. Царская воля была исполнена неукоснительно. В конце 1607 г. старец Илия Троицкий приобрел в Соловецкой обители келью за 6 рублей⁵⁶. Старец Илия наряду с другими членами монастырского собора присутствовал при передаче денежной казны казначею Протасию 20 июня 1608 г.; в августе 1609 г., откликаясь на призыв Василия Шуйского, он вместе с монастырским черным собором участвовал в принятии решения послать боярину М. В. Скопину-Шуйскому в Великий Новгород на жалованье ратным людям 2 тыс. рублей; 14 сентября того же года участвовал в принятии решения отправить в Москву царю Василию Шуйскому на жалованье ратным людям 3150 рублей; 1 сентября 1610 г. присутствовал при выдаче казначею Протасию из казны 6 тыс. рублей на монастырские нужды; 7 февраля 1611 г. находился при «счете» книг казначея Протасия⁵⁷. У исследователей нет единого мнения о том, было ли удаление Авраамия (Палицына) на покой в 1620 г. на Соловки добровольным, или же это была ссылка. Если верна первая точка зрения, то, как знать, не оказала ли влияние на решение старца Авраамия заключительная страница биографии старца Илии?

В приведенных выше фактах о трудах четверых келарей Троице-Сергиева монастыря, направленных туда из Соловецкой обители, обращают на себя внимание некоторые общие обстоятельства. Все названные монахи предварительно приобрели богатый управленческий опыт, будь то послушания в приказчиках в таких важнейших для Соловецкой обители службах, как новгородская, сумская, холмогорская, вологодская, или же, как в случае со старцем Авраамием (Палицыным), опыт светской службы в качестве первого воеводы в Коле, «государева посланника», дозорщика и писца в ряде уездов, стрелецкого головы в походе против крымцев. Все они в Соловецком монастыре исполняли послушание келаря или казначея. Жизненный путь каждого из них, что представляется чрезвычайно важным, пролегал через служение на московском подворье Соловецкого монастыря, благодаря чему все они были лично знакомы высшим светским и церковным властям.

Возвращаясь к известию в Краткой редакции Соловецкого летописца о «взятии» в Троицкий монастырь царем Федором Ивановичем в 1-й половине 1590-х гг. десятих соловецких иноков, отмечу, что по крайней мере еще двоих из них можно назвать по именам. Это бывший епископ Рязанский Филофей, изверженный из сана в связи с «делом» митрополита Филиппа

и заточенный на Соловках. Как установил Б. Н. Морозов, в 1593 г. с Филофея сняли опалу: 1 июня 1593 г. он был «послан к Троицы в Сергиев в строителя место». Однако вскоре, ранним утром 4 января 1594 г., он там же скончался⁵⁸.

Второй инок — старец Капитон Мясной, упоминаемый в качестве соборного старца Троице-Сергиева монастыря в 1594/95 г. и в качестве казначея (вместе со старцем Иларионом) в 1604/05 г.⁵⁹ В соловецких приходе-расходных книгах старец Капитон впервые назван в 1589–1591 гг.: он ездил с поручениями в село Пузырево, в Сумской острог и в Москву. 20 октября 1591 г. он впервые упоминается как соборный старец Соловецкого монастыря⁶⁰. В следующей сохранившейся приходе-расходной книге, охватывающей период с 20 декабря 1593 г. по 2 января 1596 г., упоминаний о старце Капитоне нет, поскольку в это время он находился в Троице-Сергиевом монастыре. Однако вскоре инок вновь оказался на Соловках. Новое упоминание старца Капитона в соловецкой учетной документации относится к 1598/99 г., когда он ездил на Онегу в Пертему «монастырским делом». В 1599/1600 г. инок Капитон «дозирал» вотчины Соловецкого монастыря в Турчасовском стане Каргопольского уезда, Керецкую и Кемскую волости. 30 января 1601 г. он как соборный старец принимал участие в «счете» приказчика вологодской службы Соловецкого монастыря старца Флавиана, 15 февраля 1601 г. участвовал в «счете» казначея Архипа, 17 февраля 1601 г. — в проверке документации приказчика вологодской службы старца Протасия⁶¹. Ввиду отсутствия дальнейших упоминаний можно предположить, что, по-видимому, не позднее 1602 г. старец Капитон Мясной был снова переведен в Троице-Сергиев монастырь. В книге приказчика вологодской службы старца Гурия имеются записи, относящиеся к лету 1605 г., о выплате из вологодских доходов 100 рублей, взятых взаймы соловецким игуменом Антонием «у Живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре у келаря у старца Ильи да у казначея у старца Капитона», а также 116 рублей, взятых взаймы у них же соловецкими старцами Флавианом и Карионом⁶². Очередное возвращение старца Капитона Мясного в Соловецкую обитель произошло не позднее 1607 г.: в мае этого года он сделал в нее вклад — 28 рублей, а в июле ему и старцу Протасию из соловецкой казны было отпущено 100 рублей в Сумской острог «для острожного дела» — «делати новой острог». С 1608 г. в соловецкой документации старец Капитон снова называется соборным старцем, в 1609–1611 гг. он оставался на приказе в Сумском остроге, вел там строительные работы, выплачивал жалованье стрельцам⁶³. Обращение к биографии старца Капитона Мясного позволяет сделать вывод, что в 1590–1600-х гг. практиковались не только переводы соловецких монахов в обитель прп. Сергия для участия в управлении, но и временные их туда отсылки. Еще один пример подобного перемещения — упоминавшийся факт отправки царем Борисом Годуновым в Троицкий монастырь в январе 1602 г. соловецкого старца Архипа в помощь заболевшему казначею старцу Илие; в сентябре 1603 г. Архип вновь находился на Соловках⁶⁴.

Не исключено, что упомянутый в 1593/94 г. вместе со старцем Илией троицкий казначей Венедикт — также бывший насельник Соловецкого мо-

настыря, в 1583–1587 гг. исполнявший на Соловках должность казначея⁶⁵. Пребывание старца Венедикта в Троице-Сергиевом монастыре, по-видимому, было непродолжительным. Зимой 1593/94 г. в соловецкой приходе-расходной книге сделана запись, согласно которой «Ростовского митрополита казначей» старец Венедикт прислал в обитель 1 рубль 19 алтын (Ростовскую митрополичью кафедру в это время занимал Варлаам, бывший соловецкий игумен); к 1594 г. относится запись о доставке из Холмогор 25 рублей «вкладных денег старца Венедикта»⁶⁶. Во вкладных книгах Соловецкого монастыря старец Венедикт фигурирует только как казначей Ростовского митрополита (без упоминания службы в Троицком монастыре)⁶⁷. Включенный Л. А. Кириченко в список соборных старцев Троице-Сергиева монастыря старец Евфросин (Назимов) (упоминается в 1595 г.), согласно соловецкой документации, в 1591 г. был, подобно Венедикту, «отпущен» к митрополиту Ростовскому Варлааму. В предшествовавшие годы на Соловках Евфросин (в миру Елеазар) был соборным старцем, а в 1585–1586 гг. — келарем. Возможно, пребывание старца Евфросина в Троицком монастыре также связано с временным переводом⁶⁸.

Именами старцев Исидора, Акакия Грозного, Илии, Авраамия (Палицына), Филофея, Капитона, Архипа и предположительно Венедикта и Евфросина (Назимова) исчерпывается более или менее достоверный перечень соловецких иноков, привлекавшихся к управлению обителью прп. Сергия в 1590–1600-х гг. В статье О. В. Панченко о келаре Александре (Булатникове) в этот список ошибочно внесено имя Илариона (Маслова)⁶⁹. Инок в сане иеромонаха Иларион (Маслов) с 1603 г. постоянно находился на Соловках и не мог в 1604/05 г. совместно с старцем Капитоном выполнять обязанности казначея. Другой старец с именем Иларион действительно в 1585–1591 гг. принадлежал к числу соборных старцев Соловецкого монастыря, однако прямые указания для его отождествления с троицким монахом пока отсутствуют⁷⁰.

В связи с пребыванием соловецких иноков в Троице-Сергиевом монастыре показательным представляется следующий факт. Только Авраамий (Палицын), большая часть иноческой жизни которого прошла в подмосковной обители, по-видимому, намеревался прочно связать с ней свою судьбу. Он трижды делал в Троицкий монастырь щедрые вклады на общую сумму более 500 рублей. Из других соловецких насельников, переведенных в монастырь прп. Сергия в 1590–1600-х гг., только бывший епископ Рязанский Филофей, по-видимому перед смертью, сделал значительный вклад — дал «образов, и платья, и судов оловяных» на 50 рублей⁷¹. Остальные соловецкие монахи Троицкому монастырю не жертвовали, рассматривая свое пребывание там как временное и вынужденное. Исидор, Акакий, Капитон и Венедикт присылали вклады в Соловецкий монастырь, а Илия настойчиво добивался возвращения в родную обитель. Вместе с тем в конце XVI — начале XVII в. в обители прп. Сергия некоторые соловецкие монахи оказывались добровольно. Так, соловецкий постриженник старец Лаврентий (Соболь), прежде принадлежавший к числу монастырских слуг, по профессии «шваль», в 1601/02 г. был принят в Троице-Сергиев монастырь за вклад в 8 рублей. Год спустя он прислал

с вернувшимся с московской службы соловецким старцем Протасием вклад в Соловецкую обитель — 9 рублей⁷².

После снятия осады Троице-Сергиева монастыря в начале 1610 г. соловецкие иноки были вновь туда призваны, на этот раз для восстановления обители и, по-видимому, для выяснения обстоятельств, связанных с утратой части троицкой казны. По грамоте царя Василия Шуйского были «отпущены» с Соловков старцы Карион, Серапион и Косма, получившие 10 рублей на дорогу⁷³. Старец Карион (Чудов) упоминается в соловецких документах в декабре 1593 г. как соборный старец, в 1609 г. — как келарь Соловецкого монастыря. Старец Серапион (Воейков) в записях 1609 г. назван соборным старцем, осенью 1609 г. он участвовал в доставке денежной казны М. В. Скопину-Шуйскому. Старец Косма также принадлежал к числу авторитетных иноков и в течение длительного времени нес послушание на чрезвычайно хлопотной вологодской службе монастыря⁷⁴. По крайней мере один из троих монахов в Соловецкий монастырь не вернулся: Серапион (Воейков) стал соборным старцем Троице-Сергиева монастыря. В этом качестве он упоминается в 1611/12, 1612/13, 1616/17, 1618/19 гг.⁷⁵ Старец Косма назван соловецким соборным старцем при «счете» казначея Протасия в феврале 1612 г.⁷⁶

Перевод в Троице-Сергиев монастырь насельников Соловецкой обители, зарекомендовавших себя хорошими управленцами, практиковался и в последующее время; во многих случаях назначению на ключевые должности в Троицком монастыре предшествовала служба в качестве главы московского подворья Соловецкого монастыря. В 1616/17–1618/19 гг. строителем московского подворья был старец Моисей, в 1619/20 г. ставший троицким казначеем, а в 1622 г. — келарем. В 1619–1621 гг. соловецкий старец Александр (Булатников) исполнял обязанности строителя московского подворья монастыря, с января 1622 г. — казначея Соловецкого монастыря. 5 мая 1622 г. последовал указ царя Михаила Федоровича и Патриарха Филарета «из Соловецкого монастыря старцу Александру Булатникову для нашего великого духовного дела быть к нам к Москве тотчас, не мотчав». Старец Александр был вызван, чтобы занять пост троицкого келаря, на котором он оставался до 1641 г. Не миновал должности строителя московского подворья Соловецкого монастыря и ставший по царскому указу в 1630–1634 гг. троицким казначеем старец Иоасаф Сороцкий. Он трудился на московском подворье задолго до монашеского пострига, последовавшего в 1624 г.: в 1615/16 г. книги подворья вел слуга Иван Сороцкий⁷⁷.

Возникает вопрос: чем были вызваны практиковавшееся московскими государями в последнем десятилетии XVI в. и в первых десятилетиях XVII в. назначения на высшие посты в Троице-Сергиевом монастыре соловецких иноков? Были ли они обусловлены лишь желанием поставить в управление крупнейшим монастырем страны лиц, не вовлеченных в придворные интриги? Думается, что главная причина заключалась не в этом. К последней четверти XVI в. хозяйственное делопроизводство в Соловецком монастыре достигло высокого уровня. В отличие от Троицкого монастыря, материальное благосостояние которого зиждилось на доходах с обширных земельных вла-

дений, а также на щедрых денежных и вещевых вкладах знати, в основе экономики Соловецкого монастыря лежал личный труд братии, чрезвычайно разветвленное промысловое хозяйство и торгово-транспортные предприятия. Все это требовало хорошо поставленной учетной документации. М. С. Черкасова, констатируя значительные лакуны в сохранившемся хозяйственном архиве Троице-Сергиева монастыря и практически полное отсутствие в нем учетных материалов денежной казны, подчеркивает: «Несомненно, сами монастырские власти относились к текущей хозяйственной документации с явно меньшим пиететом, по сравнению с актами, копийными и писцовыми книгами — теми массивами источников, которые отражали владельческие, собственнические интересы корпорации»⁷⁸. По всей видимости, в привлечении иноков, прошедших хорошую школу хозяйствования в Соловецком монастыре, властям виделась возможность поставить под контроль текущий учет в главной обители страны. Кроме того, соловецкие монахи, с лучшими представителями которых московские власти имели возможность познакомиться лично, по-видимому, в глазах последних были продолжателями порядков, введенных игуменом Филиппом (Колычевым). Последний неизменно уделял пристальное внимание вопросам хозяйственного обустройства монастыря. Соловецкие иноки, проходя духовное делание в суровых природных условиях, непосредственно принимая участие в хозяйственно-промысловой деятельности, приобретали такие качества как трудолюбие, дисциплинированность, ответственность, чувство долга, упорство. Эти качества, сочетавшиеся с инициативностью, были замечены и высоко оценены в столице.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 8, л. 57. Скрепцы («Соловецкого монастыря келарь старец Аврамей Палицын руку приложил») на л. 1–8, 27–35.
- ² *Корецкий В. И.* Голод 1601–1603 гг. в России и Церковь // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 7. М., 1959. С. 235–236. Тезис об участии Авраамия (Палицына) в «спекуляциях» недавно повторил И. О. Тюменцев: *Тюменцев И. О.* Авраамий Палицын — портрет писателя и церковного деятеля Смутного времени // Мир православия. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 106–107.
- ³ *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927. С. 155.
- ⁴ *Лобакова И. А.* «Сказание вкратце» о соловецких игуменах // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 173; *Досифей [Немчинов], архим.* Летописец соловецкий на четыре столетия. М., 1847. С. 49.
- ⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 5, кн. 474, л. 4 об., 6 об., 9, 10 об., 13, 15 и др.
- ⁶ *Корецкий В. И.* Указ. соч. С. 227–228.
- ⁷ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 214, л. 2, 2 об., 130–130 об., 220–220 об.; *Кириченко Л. А.* Актовый материал Троице-Сергиева монастыря 1584–1641 гг. как источник по истории землевладения и хозяйства. М., 2006. С. 142.
- ⁸ *Досифей [Немчинов], архим.* Летописец соловецкий... С. 59.
- ⁹ РГАДА, ф. 1201, оп. 7, кн. 59, л. 189 об.— 190.
- ¹⁰ Санкт-Петербургский Институт истории РАН (далее — СПбИИ РАН), кол. 2, кн. 125, л. 106 об. В записи не сообщается, что вклад был сделан при пострижении, хотя такое уточнение в ряде случаев делалось. В более поздней вкладной книге указан еще один вклад Авраамия в обитель — 50 рублей (2-й вклад, совершенно очевидно, был

- сделан по возвращении старца Авраамия на Соловки «на обещание» в 1620-х гг.). После кончины старца Авраамия было взято в монастырскую казну 63 рубля и 2 кунья меха, а также келья, купленная им за 15 рублей (Там же, кн. 152, л. 259).
- ¹¹ Солодкин Я. Г. Авраамий Палицын // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. СПб., 1992. С. 36–44; *он же*. Авраамий Палицын на Русском Севере // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): Материалы международной конференции. Киров, 1999. С. 212.
- ¹² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. № 157. С. 270–276.
- ¹³ Шишонко В. И. Пермская летопись 1263–1881 г.: Первый период. Пермь, 1881. С. 118–119.
- ¹⁴ Свяжский Успенский монастырь со времени своего основания в 1555 г. представлял собой самостоятельную богатую обитель и никогда не был приписан к Троице-Сергиеву монастырю, как считает Я. Г. Солодкин. Приписным к обители прп. Сергия был небольшой свяжский Троице-Сергиев монастырь (см.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 287, 291, 305; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 2005. № 657, 2148; Города России XVI в.: Материалы писцовых описаний / Подгот. Е. Б. Французова. М., 2002. № 33. С. 356–366; Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков: (По архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004. Табл. 3. С. 303). Следовательно, этим фактом версия о «троицком постриге» старца Авраамия доказана быть не может.
- ¹⁵ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 150, 351.
- ¹⁶ См., например: Черкасова М. С. К характеристике монастырских архивов в России XVI–XVII в. // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 44–48; Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 37; Панченко О. В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в 1-й половине XVII в.: Троицкий келарь Александр Булатников // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (далее — ТОДРЛ). Т. 55. СПб., 2004. С. 488–507.
- ¹⁷ См.: Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 2. Управление, общинная и келейная жизнь, богослужение. СПб., 2006. С. 71–73.
- ¹⁸ Так, соловецкий келарь Акакий, в январе 1585 г. принимавший участие в «счете» казначей Венидикта, назван не только после игумена Иакова, но и после соборного старца Мисаила (Назимова) (РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 211, л. 66); келарь Сильвестр в записи о «счете» казначей старца Илии в октябре 1589 г. также назван вслед за соборным старцем Мисаилом (Там же, кн. 212, л. 20). Мисаил (Назимов) был одним из старейших и авторитетнейших иноков обители, в 1570–1580-х гг. он неоднократно занимал должность келаря. Скорее всего его можно отождествить со старцем Мисаилом, состоявшим в должности келаря еще при игумене св. Филиппе (Колычеве), в 1555/56 и 1565–1566 гг. (Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Старцы Соловецкого монастыря XVI в. по упоминаниям в грамотах ризничной коллекции и другим документам: (Указатель имен) // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 99–102; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / Сост. И. Б. Либерзон. Л., 1988. № 281). Скончался старец Мисаил (Назимов) в 1596/97 г. (РГАДА, ф. 1201, оп. 7, кн. 59, л. 23 об.).
- ¹⁹ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 425; кн. 214, л. 141 об.
- ²⁰ Там же, кн. 214, л. 145 об.; кн. 9, л. 64 об. Закупка большой партии «красных» ложек в Вологде обусловлена представительскими функциями настоятеля подворья, а не целями сбыта, как полагает Солодкин (Солодкин Я. Г. Авраамий Палицын на Русском Севере... С. 212).

- ²¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 37, л. 7–8. В XVI и в начале XVII в. термин «строитель» к лицам, руководившим московским подворьем, не применялся. В 1-й половине 1570-х гг., после отстранения соловецкого игумена Паисия и удаления ряда других монахов, строителем на Соловках называли присланного из Кириллова Белозерского монастыря Иваном IV старца Меркурия, который вместе с позже назначенным игуменом Варлаамом, также переведенным из Кириллова Белозерского монастыря, управлял Соловецкой обителью. Главное содержание деятельности строителя Меркурия на основании актового материала видится в приращении монастырских вотчин (*Буров В. А. Строитель старец Меркурий: (Хроника деятельности за 1570–1574 гг.) // Соловецкий сборник. Вып. 5. Архангельск, 2008. С. 24–35.*)
- ²² РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 214, л. 60 об., 67 об.
- ²³ Там же, кн. 6. Документ не вполне корректно отнесен В. И. Ивановым к категории отчетности в связи с «поездками по монастырским делам» (*Иванов В. И. Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование монастырских прихода-расходных книг. СПб., 2005. С. 160.*) Книга 6 представляет собой сводный отчетный финансовый документ старца Соловецкого монастыря Архипа: расходную «память» поездки из монастыря в Вологду, расходную «память» поездки из Вологды в Москву и прихода-расходную книгу московского подворья Соловецкого монастыря с октября 1592 по февраль–март 1595 г.
- ²⁴ *Досифей [Немчинов], архим. Летописец соловецкий... С. 60.*
- ²⁵ Цит. по: *Панченко О. В. Из истории культурных связей... С. 488–489.*
- ²⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук (далее — ААЭ). Т. 1. СПб., 1836. № 352, 353, 355.
- ²⁷ *Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 199. Ср.: С. 162, 224.*
- ²⁸ *Кириченко Л. А. Указ. соч. Приложение 3. № 23.*
- ²⁹ *Солодкин Я. Г. Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 119–122.*
- ³⁰ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 209, л. 88, 91, 102; кн. 422, л. 8, 17, 19 об., 66 об.
- ³¹ *Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Указ. соч. С. 83.*
- ³² РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 422, л. 26; кн. 37, л. 7.
- ³³ Там же, кн. 3, л. 12 об., 25 об., 31; кн. 424, л. 4.
- ³⁴ Там же, кн. 424, л. 14 об.; кн. 37, л. 7.
- ³⁵ Там же, кн. 5, л. 65, 75 об., 76, 77 об., 78.
- ³⁶ Там же, кн. 4, л. 62.
- ³⁷ СПбИИ РАН, кол. 2, кн. 125, л. 84. В той же вкладной книге «игуменом александровским» назван Дионисий, который, согласно Строеву, управлял Александро-Свирским монастырем в 1583–1607 гг. (*Строев П. М. Указ. соч. Стб. 992.*)
- ³⁸ *Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Указ. соч. С. 15–17; РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 37, л. 4.*
- ³⁹ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 209, л. 5 об., 21, 65 об.; кн. 422, л. 16 об.— 17, 34 об., 56 об., 62, 65, 68, 68 об.; кн. 423, л. 5.
- ⁴⁰ Там же, кн. 211, л. 14 об., 18 об., 45; кн. 3, л. 14, 24 об.
- ⁴¹ Там же, кн. 3, л. 29 об.— 30; кн. 424, л. 64 об.; кн. 212, л. 5; кн. 5, л. 2, 83.
- ⁴² *Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Указ. соч. С. 17.*
- ⁴³ РГАДА, ф. 1201, оп. 7, кн. 59, л. 55 об., 81 об.
- ⁴⁴ По-видимому, соловецкий старец Архип, также имевший опыт ведения казначейских книг, в это время находился на московском подворье Соловецкого монастыря. В описи соловецкого архива значится книга этой службы 1600/01 г., которую вел старец Архип. Книга следующего года ко времени составления описи архива (1639 г.) была утрачена, возможно, ее также вел старец Архип.
- ⁴⁵ ОР РНБ, Соловецкое собр., 18/1477, л. 157–157 об.
- ⁴⁶ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 214, л. 67; кн. 217, л. 20 об., 43.
- ⁴⁷ Там же, кн. 217, л. 189.
- ⁴⁸ *Кириченко Л. А. Указ. соч. Приложение 3. № 17–20.*

- ⁴⁹ Там же, кн. 211, л. 31.
- ⁵⁰ Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Указ. соч. С. 71–72; РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 424, л. 6–7, 29, 35–36 об., 60 об.
- ⁵¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 5, л. 59.
- ⁵² Там же, кн. 6, л. 1 об. — 3.
- ⁵³ ОР РНБ, Соловецкое собр., 18/1477, л. 196 об. — 197.
- ⁵⁴ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 214, л. 86.
- ⁵⁵ ОР РНБ, Соловецкое собр., 18/1477, л. 196 об. — 197.
- ⁵⁶ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 214, л. 116. Старца Илию Троицкого нельзя отождествлять со старцем Илией (Агапитовым), который принадлежал к более молодому поколению соловецких иноков (ср.: Панченко О. В. Из истории культурных связей... С. 488, примеч. 2; С. 489, примеч. 9; С. 490). Во вкладной книге Соловецкого монастыря два инока различаются (СПБНИИ РАН, кол. 2, кн. 152, л. 274–275).
- ⁵⁷ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 217, л. 2, 39, 121 об., 144–144 об., 211–211 об.
- ⁵⁸ Морозов Б. Н. Соловецкий след в рукописях Ионы Соловецкого // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 177; см. также: Панченко О. В. Из истории культурных связей... С. 488, примеч. 2.
- ⁵⁹ Кириченко Л. А. Указ. соч. Приложение 3. № 27 и 47.
- ⁶⁰ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 5, л. 11 об. — 12 об., 32, 35, 60, 83.
- ⁶¹ Там же, оп. 7, кн. 59, л. 84, 173, 189 об.; оп. 1, кн. 7, л. 43 об.; оп. 7, кн. 309, л. 82 об.; Вотчинная дозорная книга («обежная») старца Капитона на владения Соловецкого монастыря в Турчасовском стане Каргопольского уезда. Публикация Ю. С. Васильева // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. Вологда, 1985. С. 136–158; Иванов В. И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII вв. СПб., 2007. С. 84.
- ⁶² РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 9, л. 125, 125 об.
- ⁶³ Там же, кн. 214, л. 100 об., 204; кн. 217, л. 2, 39, 45–45 об., 59–60, 126, 144, 203 об. — 204, 210; кн. 11, л. 119 об.
- ⁶⁴ Там же, кн. 214, л. 2, 130.
- ⁶⁵ Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Указ. соч. С. 36–37.
- ⁶⁶ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 213, л. 4–4 об., 11 об.
- ⁶⁷ СПБНИИ РАН, кол. 2, кн. 125, л. 93; кн. 152, л. 265 об.
- ⁶⁸ Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Указ. соч. С. 48–49; РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 208, л. 29 об.; кн. 5, л. 65 об.; оп. 7, кн. 59, л. 41 об.
- ⁶⁹ Панченко О. В. Из истории культурных связей... С. 489, примеч. 9; С. 490.
- ⁷⁰ Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Указ. соч. С. 70–71; РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 214, л. 47 об., 69, 164 об., 165, 175 об.; кн. 217, л. 33, 125 об., 150 об., 151, 157, 210.
- ⁷¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. Л. 720–720 об., 100 об.
- ⁷² Там же, л. 198; РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 214, л. 11.
- ⁷³ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 217, л. 154 об. — 155.
- ⁷⁴ Там же, кн. 213, л. 2; кн. 217, л. 39, 121 об., 144–144 об.; ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 145. С. 259–260; Иванов В. И. Бухгалтерский учет в России... С. 164.
- ⁷⁵ Кириченко Л. А. Указ. соч. Приложение 3. № 11; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. Л. 130.
- ⁷⁶ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 217, л. 211–211 об.
- ⁷⁷ Там же, кн. 37, л. 7 об.; Иванов В. И. Бухгалтерский учет в России... С. 154; Досифей [Немчинов], архим. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. Ч. 3. М., 1836. С. 117; Панченко О. В. Из истории культурных связей...; он же. Книжники Соловецкого монастыря XVII в. Статья 1. 1620-е — начало 1640-х гг. // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 745–748.
- ⁷⁸ Черкасова М. С. Приходо-расходные книги Троице-Сергиева монастыря XVI — начала XVIII в. // Массовые источники отечественной истории: Материалы X Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.: Проблемы изучения и издания». Архангельск, 1999. С. 280.